

Хронотопичные паттерны в русской рок-поэзии

Анастасия В. Григорьева

*Российский государственный гидрометеорологический университет
Санкт-Петербург, Россия, grigorevaav498@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются закономерности, которые могут быть выявлены при анализе произведений русской рок-поэзии в призме хронотопа, получившие название «хронотопичные паттерны». Пространственно-временно-смысловая связь, лежащая в основе понятия «хронотоп», может быть выявлена во многих произведениях русских рок-поэтов. В ходе данного исследования нами была предпринята попытка классифицировать устойчивые хронотопичные образы в соответствии с детерминированными номинациями на основании рождаемых в конечном итоге смыслов в тексте рок-поэтов. Интерес представляет ряд форм, который хронотоп может приобретать в рок-тексте за счет вербализации и конкретизации времени и пространства. Сюжетообразующая функция хронотопа обусловлена важностью координат пространства и времени в координатной плоскости художественного произведения наряду с образами, однако ключевую роль играет восприятие времени и пространства как лирическими героями, так и реципиентом, что лежит в основе принципа авторского воздействия и формирует целостный уникальный замысел рок-произведения. Хронотопичные паттерны как повторяющиеся устойчивые образы мышления имеют различные пути проявления, конкретизируемые определенными номинациями на лексическом уровне, каждая из которых включает в себе глубинный смысл и ключ к пониманию произведения в целом, становится плацдармом для развития сюжета.

Ключевые слова: хронотоп, хронотопичные паттерны, рок-поэзия, классификация форм хронотопа, номинации хронотопичных паттернов

Для цитирования: Григорьева А.В. Хронотопичные паттерны в русской рок-поэзии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 10. С. 121–130. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-121-130

Chronotopic patterns in Russian rock poetry

Anastasia V. Grigorieva

*Russian State Hydrometeorological University,
St. Petersburg, Russia, grigorevaav498@gmail.com*

Abstract. The article considers patterns that can be identified when analyzing the Russian rock poetry in the prism of a chronotope, called “chronotopic patterns”. The spatio-temporal-semantic connection underlying the concept of “chronotope” can be identified in many works by Russian rock poets. In the course of the present study, we attempted to classify stable chronotopic images in accordance with deterministic nominations based on the ultimately generated meanings in the text of rock poets. Of interest is the range of forms that the chronotope can acquire in a rock text due to the verbalization and concretization of time and space. The plot-forming function of the chronotope is due to the importance of the coordinates of space and time in the coordinate plane of the work of art, along with images, but the key role is played by the perception of time and space by both the lyrical characters and the recipient, which underlies the principle of the author’s influence and forms the holistic unique concept of the rock work. Chronotopic patterns as repeating stable patterns of thinking have different ways of manifestation, concretized by certain nominations at the lexical level, either of which contains a deep meaning and a key to understanding the work as a whole, becoming a springboard for the development of the plot.

Keywords: chronotope, chronotopic patterns, rock poetry, classification of chronotope forms, nominations of chronotopic patterns

For citation: Grigorieva, A.V. (2024), “Chronotropic patterns in Russian rock poetry”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 121–130, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-121-130

Предметом исследования в статье являются хронотопические паттерны в русской рок-поэзии. Хронотопические паттерны – это устойчивый образ мышления и восприятия пространственно-временного континуума, который сохраняет свою автономность как в определенных произведениях, так и в целостной картине рок-поэзии. Константы хронотопа имеют свойство системно проявляться, однако глубинного анализа закономерной связи хронотопа и рождаемой им контекстуальной коннотации, которую мы обозначаем понятием «хронотопические паттерны», проведено прежде не было. Целью данного исследования является выявление и классификация вариаций устойчивых хронотопических моделей, порождающих

смысл рок-произведения. Категориальное понятие «хронотоп», для поэтики которого свойственна дифференцирующая функция, в том числе во многом и жанровой принадлежности феномена русской рок-поэзии, становится ключевым. Пространственно-временной континуум представляется как контекст, синтезирующий акты переживания, рефлексии и трансформации героя художественного произведения. Пространственно-временнo-смысловая устойчивая связь закономерна, т. е. может быть представлена как некая формула, в которой каждый элемент триединства формирует относительно предсказуемую интенцию и переоценку прошлого с отсылкой к будущему. Актуальность такого подхода обусловлена особым интересом современного литературоведения к проблемам песенной поэтики. По мнению Т.Е. Логачевой, рок-поэзия требует детализированного академического изучения [Логачева 1996, с. 111–118], сфокусированного на междисциплинарном и литературоведческом подходах. Обоснованность изучения рок-текста как литературного феномена принадлежит И.В. Кормильцеву и О.Ю. Суровой, которым удалось обратить пристальное внимание к вербальному компоненту синтезированного рок-искусства [Кормильцев, Сурова 1998, с. 29]. Среди научных трудов, посвященных рок-поэзии, центральную позицию занимают работы Ю.В. Доманского. В своей монографии «Русская рок-поэзия: текст и контекст» исследователь акцентирует внимание на постмодернистских особенностях поэзии, а именно интертекстуальности, объемном цитировании и других собственно литературных факторах влияния на процесс становления русской рок-поэзии [Доманский 2010]. Монография «Русская рок-поэзия: филологический ракурс» подводит к мысли о необходимости поиска новых методологических подходов, учитывая синтетический характер произведений [Доманский 2015]. Существование рок-произведения сразу в нескольких медиа неизбежно актуализирует потребность в новых методах изучения.

Представляется важным рассмотреть рок-произведение с точки зрения хронотопичных закономерностей, с этимологической точки зрения источником которых является хронотоп. Хронотоп осмысливается как сложное, синтезированное понятие, в основе лежит пересечение пространственного и временного пластов как философских категорий, «посредством которых обозначаются формы бытия вещей и явлений, которые отражают, с одной стороны, их со-бытие, сосуществование в пространстве, с другой – продолжительность их сосуществования»; пространство и время как «фундаментальные параметры бытия», определяющие «несущую конструкцию любой известной до сих пор объяснительной картины мира» [Бахтин 1975, с. 838]. Конструкты хроноса и топоса являются концептуальным

основанием для создания картины художественного мира. По мнению Ю.М. Лотмана, достоверность изображаемого передается за счет проработки пространственно-временных индикаций, однако не всегда вербализирована, а носит ассоциативный характер, формируя вторичную моделирующую систему [Лотман 1968]. Однако можно отметить не только философский характер хронотопа, но и онтологический, что позволяет создать параллельный с реальным мир, расположенный на темпорально-локальной оси¹.

В первую очередь, интерес представляет ряд форм, который хронотоп может приобретать в рок-тексте за счет вербализации и конкретизации времени и пространства.

1. *Обыденно-бытовое время*: «Это время густое, липкое, ползущее в пространстве», «оно срослось с бытом» [Бахтин 1975, с. 123]. Под бытом стоит понимать нечто привычное для лирического героя рок-текста, сугубо личное. В произведении А. Романова «Случилось что-то...» обыденно-бытовое время воспринимается лирическим героем на фоне изменившейся картины внешнего мира и генерирует мысль философской направленности – осмысление человеческого бытия:

Случилось что-то в городе моём / Бульвары распахнулись, словно крылья / А просто скука, смытая дождём / Была, как оказалось, только пылью // И стало ясно мне, что также я не волен / В случайных поворотах бытия / Что я не одинок, что я не болен / Растерянность уйдёт – останусь я.

Локализация идентифицируется пространством города с акцентом на притяжательном местоимении «мой».

2. *Время-мгновение*, время, которое не имеет тесной связи с целостным биографическим героем. В рок-тексте особым образом формируется хронотоп внутри кризисной ситуации, критического и судьбоносного мгновения, временного отрезка в сюжетной линии лирического героя:

Ледяной водой разбуди меня – / Время уходить, / Зреет урожай. / Батя, дай совет, опоясай в путь. / Мать, не провожай. / На семи ветрах кто тебе помог – / Может, кто помог. / На семи холмах кто тебя согрел, / Кто тебя любил – / Недолюбил (Д. Ревякин «Родная»).

¹ Москальская О.И. Грамматика текста: Пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1981. С. 84.

Пространственной доминантой становится разобщенное, неконкретизированное пространство, в данном фрагменте произведения разомкнутое пространство интуитивно порождает в сознании перспективу дороги, что становится традиционным для литературы символом перемен, переломных моментов. В тексте произведения К. Кинчева «Трасса Е-95» хронос детализирован сиюминутной ситуацией начала странствия, конкретизированного расхождением между двух столиц – Петербурга и Москвы: «Снова ночь летят дороги / День рассвет менять / Кому чья, а мне досталась трасса Е-95». Фиксация на конкретном временном моменте, «вечном мгновении», «мгновении-делении» носят названия переломных точек, кризисов, катастроф, когда время перестает обладать своей физической функцией и приравнивается к «биллиону лет», становится осязаемо бесконечным.

3. *Биографическое время*, локализуемое своим течением в зависимости от ассоциативного ряда лирического героя с отсылкой к конкретному периоду и к его собственной трансформации, с выделением этапов биографии: детство, юность, «взрослые» годы. В произведении К. Никольского «Один взгляд назад» сюжетным ориентиром служит цепочка всплывающих воспоминаний, противопоставленных мироощущению лирического рок-героя в настоящем:

Забытую песню несёт ветерок, / Задумчиво в травах звеня, / Но помню, что есть на Земле уголок, / Где радость любила меня. // Боже, как давно это было, / Помнит только мутной реки вода. / Время, когда радость меня любила, / Больше не вернуть ни за что, никогда, // И не было места в душе с юных пор / Мечтам, недоверью и лжи. / Влюбленного сердца всевидящий взор / Мне верой и правдой служил.

Пространственные характеристики играют чуть более второстепенную роль, интуитивно подводя к мысли о пространстве природного пейзажа.

4. *Историческое время* в коллаборации с локализацией соотносимо с реальным временем в художественном ключе. Исторический контекст наряду с социальным так или иначе присущ большому количеству рок-произведений, так как ложится в основу философии рок-авторов. Е. Летов в произведении «Все идет по плану» осмысляет тревожную действительность конкретного периода в истории России:

Границы ключ переломлен пополам / А наш батюшка Ленин совсем усоп / Он разложился на плесень и на липовый мёд / А перестройка всё идёт и идёт по плану / И вся грязь превратилась в голый

лёд // И всё идёт по плану / Всё идёт по плану // А моей судьбе захотелось на покой / Я обещал ей не участвовать в военной игре / Но на фуражке на моей – серп и молот, и звезда / Как это трогательно – серп и молот, и звезда.

Любое действие будто обрамлено пространством и временем и вызывает ощущение недосказанности, напряженности.

5. *Космическое время* выражает представления о цикличном и в то же время вечном: календарная смена времен года с детализацией, суточная смена дня, ночи, вечера и утра. Важно понимать, что хронос всегда служит запускным механизмом для любого действия, с момента его начала время безостановочно идет, объект выходит из состояния покоя. Особое внимание применительно к данному пункту классификации времени и пространства необходимо уделить понятию «хронотопичные паттерны». Система хронотопичных паттернов в рок-произведениях формирует особый колорит, для которого восприятие времени и пространства находится не просто в тесной связи, но и формирует ощутимую противопоставленность «внешнего» «внутреннему». Паттерны как повторяющиеся образы мышления имеют различные пути проявления, конкретизируемые определенными номинациями на лексическом уровне.

1. Номинация цикличных природных явлений с атрибутивными признаками: зима, весна, лето, осень, где характеризующими элементами становятся, как правило, разомкнутые пространства:

М. Борзыкин «Пустой» (Мир устал от зимы, / Устал оттого, что я в нем живу. / Не смотри на Неву

с моста, / Не смотри с моста на Неву), «Листик» (Небо тебя рисует / Розовым на голубом холсте. /

Я – листик, и я танцую / Осень на темной усталой воде);

П. Мамонов «Зима» (Как легко представить зиму, если холод внутил / Как легко возникают

сугробы за моим окном);

К. Никольский «Прошедший день» (Он жил и пел доступно, не всерьез, / Перемежая холод

с пылким зноем, Святую осень с грешною весною, / Смешное небо с небом, полным слез).

Циклические явления в рок-поэзии дополняют традиционную для классической литературы картину предсказуемых ожиданий, связанных с восприятием их через психологические паттерны.

2. Номинация времени суток как составная часть хронотопичных паттернов имеет собственную темпоральную и пространствен-

ную атрибутивность, усиливающую создаваемую художественную атмосферу:

К. Никольский «Прошедший день» (Прошедший день затих и опустел, / Готовясь к плену
молчаливой ночи. / Он гаснет эхом недопетых строчек, / Вечерних песен между темных стен);

Александр Ф. Скляр «Шумный город» (Я не знаю, куда я иду? / Где конец моих странствий ночных? /
Где проходит граница между ночью и днем?).

Явное преобладание сохраняется за лексемами «ночь» и «день», локализация их преимущественно конкретизируется разомкнутым пространством дороги, через бинарную оппозицию, выраженную через замкнутое пространство дома.

3. Номинация временных отрезков неопределенной длительности в рок-текстах, к которой можно отнести как абстрактные понятия: «сегодня», «завтра», «через века», «снова», «никогда», так и более конкретизированные: «годы», «недели», «дни», «часы». Устойчивый образ мышления и восприятия пространственно-временного континуума, как правило, фиксирует лирического рок-героя на временном изломе, в точке смены временного пласта. Пространство, в свою очередь, становится плацдармом, на котором и формируется мироощущение лирического героя:

К. Никольский «Память – в грош, судьба – на ветер» (Каждый день – подарок неба, /

Каждый миг – игра судьбы. / Стань таким, каким ты не был, / И останься, кем ты был. /

В вечный путь, не зная срока, / Сам себя благослови. Есть же где-нибудь дорога / От любви к любви);

А. Романов «Так бывает...» (Будет время до апреля после мартовских ветров, / Лишь бы сбылось,

все, что снилось, стал бы мир не так суров. / Год за годом повторяясь, время прямо

держит путь. / Можно все начать сначала, ничего нельзя вернуть),

«Я привык бродить один» (В мировой войне добра и зла. / Грянул бой на целый белый свет, /

И через миг земля очнулась ото сна. А на земле, как всегда, / То зима, то весна).

4. Номинация определенных по длительности отрезков времени формируется из обозначений временной единицы: «век», «год»,

«месяц», «неделя», «день», «час», «минута», при этом расширяя или сужая границы временного отрезка на уровне его восприятия:

Н. Борзов «Хороший день» (Раннее утро / Застало меня врасплох / На улице несколько

дней идет дождь / И время ползет, словно червь / Час это вечность / Минута – целая жизнь /

Я знаю, все это кончится скоро / Сам себе твержу, держись);

Д. Ревякин «Мелодия голых ветвей» (Снег укрывал побледневший асфальт – / Город

встречал снегирей. / Дни протекали, как сонные реки, теряясь во мраке ночей).

5. Номинация языковой модели антропоцентричности представлена через лексемы: «старость», «молодость», лексический ряд дополняем за счет тропов: метонимии, перефразы, что расширяет границы временной привязки:

Д. Ревякин «Последняя охота» (Не оставляю след на снегу – / Я, седой якут. /

Ухожу в метель берегом Лены).

Каждая из вышеперечисленных номинаций может быть дополнена значительным количеством примеров, так как единицы определенной группы содержат признаки темпоральной диффузности, иными словами, за обозначением точного временного пласта кроется абстрактное время. Материя временных доминант накладывается на пространственные абстрактные обозначения, зачастую выраженные не через прямые обозначения, а через описательные обороты:

Д. Ревякин «Я помню, я помню!» (Я помню, я помню! / Венок из снопов весенних – /

Ты в солнечных брызгах дарована мне).

Темпоральные образы даны развернутыми описательными конструкциями, наряду с которыми можно выделить и отдельную номинацию – предметно-чувственного изменения, связанного с конкретными представлениями о времени в ретроспективном ключе: «помнить».

Таким образом, темпоральные номинации являются основной составной частью хронотопичных паттернов в рок-поэзии. Первая позиция закрепляется за номинацией циклических природных явлений, частотность которых обусловлена следованием типизи-

рованному представлению о традиционной коннотации понятий «осень», «весна», «ночь» и так далее. Наряду с детализированным временем стоит отметить и подтекстную динамику времени, выраженную глаголами в форме настоящего времени, а также лексемой «сегодня». Для собирательного образа лирического героя рок-поэзии свойственна способность познавать мир и осознать себя через проявление фундаментальных параметров бытия через обозначение приблизительных масштабов пространства и ритмику его трансформации через показатели времени. В качестве итога формируется устойчивая взаимосвязь между восприятием реалий и воплощением этого восприятия через слово, что формирует систему хронотопичных паттернов через выявление номинаций.

Литература

- Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.
- Доманский 2000 – *Доманский Ю.В.* «Тексты смерти» русского рока: Пособие к спецсеминару. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. 110 с.
- Доманский 2010 – *Доманский Ю.В.* Русская рок-поэзия. Текст и контекст. М.: Intrada, 2010. 232 с.
- Доманский 2015 – *Доманский Ю.В.* Рок-поэзия: филологический ракурс: Монография. М.: Intrada, 2015. 272 с.
- Кормильцев, Сурова 1998 – *Кормильцев И.В., Сурова О.Ю.* Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1998. Вып. 1. С. 5–32.
- Логачева 1996 – *Логачева Т.Е.* Рок-культура и рок-поэзия: взаимоотношения с социумом // XX век. Проза. Поэзия. Критика. М.: Диалог-МГУ, 1996. С. 111–118.
- Лотман 1968 – *Лотман Ю.М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Труды по русской и славянской филологии XI. Литературоведение. Вып. 209. Тарту, 1968. С. 5–51.

References

- Bakhtin, M.M. (1975), “Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics”, Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics], Khud. Lit., Moscow, USSR, pp. 234–407.
- Domansky, Yu.V. (2000), *Teksty smerti» russkogo roka: posobie k spetsseminaru*. Tver. gos. un-t. [“Texts of Death” of Russian Rock. A Guide to the Special Seminar], Tver. gos. univ. Tver, Russia.

- Domansky, Yu.V. (2010), *Russkaya rok-poeziya. Tekst i kontekst* [Russian rock poetry. Text and context. Intrada], Intrada, Moscow, Russia.
- Domansky, Yu.V. (2015), *Rok-poeziya: filologicheskii rakurs: Monografiya* [Rock poetry. Philological perspective, monograph], Intrada, Moscow, Russia.
- Kormil'tsev, I.V. and Surova, O.Yu. (1998), "Rock poetry in Russian culture. Emergence, existence, evolution", *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry. Text and context], iss. 1, pp. 5–32.
- Logacheva, T.E. (1996), "Rock culture and rock poetry. Relationships with society", *XX vek. Proza. Poeziya. Kritika* [20th century. Prose. Poetry. Criticism], Dialogue – MGU, Moscow, Russia, pp. 111–118.
- Lotman, Yu.M. (1968), "The issue of artistic space in Gogol's prose", *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii XI. Literaturovedenie* [Works on Russian and Slavic philology XI. Literary criticism], iss. 209, Tartu, USSR, pp. 5–51.

Информация об авторе

Анастасия В. Григорьева, аспирант, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия; 193230, Россия, Санкт-Петербург, ул. Евдокима Огнева, д. 8; grigorevaav498@gmail.com

Information about the author

Anastasia V. Grigorieva, postgraduate student, Russian State Hydrometeorological University, St. Petersburg, Russia; bld. 8, Evdokima Ogneva Street, St. Petersburg, Russia, 193230, grigorevaav498@gmail.com